

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ НОМАДИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

П.Б. КОНОВАЛОВ

Россия, г. Улан-Удэ,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

Возникновение и формирование кочевничества в Центральной Азии изучены недостаточно по сравнению с тем, что сделано в этом отношении по Южной и Западной Сибири и Казахстану. Данная тема специально не рассматривалась ни в историографическом, ни в содержательном, ни в теоретическом, планах, есть и другие не изученные аспекты этой большой темы. В настоящей работе мы попытаемся затронуть вопросы предпосылок возникновения, начальных этапов сложения, природно-климатических и историко-культурных факторов формирования кочевой культуры по материалам восточного ареала Центральной Азии (территория Монголии и Забайкалья) и некоторых её региональных особенностей.

Кочевое скотоводство в Центральной Азии как одна из форм производящего хозяйства, по большому счету, является следствием эпохальных природно-климатических изменений и сложившихся там ландшафтно-экологических условий, позволивших (или заставивших) обитателям восточных пределов Великого степного пояса Евразии перейти к кочевой форме хозяйствования в качестве основного способа жизнеобеспечения. В эпоху неолита в Восточной Монголии и Забайкалье люди перешли, где позволяли природные условия, к производящим формам хозяйствования – примитивному земледелию, придомному животноводству.

Палеоклиматические данные – споро-пыльцевые анализы и фаунистические остатки по Забайкалью – свидетельствуют, что в эпоху неолита, вплоть до позднего бронзового века, до середины II тыс. до н.э., климат в этом регионе был более влажным, чем в последующее время, до начала этапа аридизации и некоторого похолодания, продолжающегося до настоящего времени (Герасимов и др. 1974). Эти данные вполне согласуются с наблюдениями при исследовании дюнных стоянок по р. Онону, где культурные слои раннего бронзового века бывают перекрыты мощной толщей песка, и котловины выдувания в местах обнажений достигают часто 10-15 м. глубины, что указывает

на то, что дюнообразование, вызванное аридизацией климата, началось после неолита (Окладников, Кириллов 1980). Аналогичную картину отмечает А.П.Окладников в Монголии, в частности, в местности Тугриг-Ширэт (См. там же).

Природно-климатическая обстановка в Юго-Восточном Забайкалье по данным споро-пыльцевых анализов и фаунистических остатков характеризуется распространением лесных массивов, но большую часть территории занимали степные пространства. Такие ландшафты способствовали возникновению и успешному развитию комплексного земледельческо-животноводческого производящего хозяйства, что и демонстрируется материалами ряда исследованных археологических памятников. Анализ фаунистических остатков поселения развитого неолита Арын-Жалга (в долине р.Онон) подтверждает существование фауны открытых ландшафтов, но все же демонстрирует сочетание степных и лесных видов, большинство костей принадлежит диким животным. Это значит, что охота по-прежнему оставалась ведущим занятием населения наряду с рыболовством, игравшим вспомогательную роль. Однако наличие на этом и других памятниках – Дворцы, Дарасун, Александровка (долина р.Ингода) – серии специфических орудий, которых обычно связывают с обработкой земли, указывает на возможный переход населения Забайкалья к производящему хозяйству, хотя и не обнаружено пока прямых бесспорных свидетельств в виде зерен злаков. Зато в Восточной Монголии известен памятник оседлого поселения эпохи неолита Тамцаг-Булаг, где найдены орудия, не только аналогичные ононским, но и в том же сочетании. Все это вместе взятое позволяет высказать предположение о существовании примитивного мотыжно-палочного земледелия в районах Восточного Забайкалья и Восточной Монголии в развитом неолите (Там же: 152). По поводу этого важнейшего вида производящей экономики А.П.Окладников по материалам позднего неолита и ранней бронзы всего Забайкалья в целом и смежных с ним с юга и востока районах склонен был считать, что земледелие могло возникнуть довольно рано, еще в неолите и начале бронзового века, причем уже с развитой плужной обработкой земли (Окладников 1962: 427-428).

Менее сложным является вопрос о зарождении скотоводства в данном регионе. На том же неолитическом поселении развитого неолита Арын-Жалга в долине Онона наряду с признаками занятия земледелием выявлены следы животноводства в виде костей лошади и коровы, собаки и свиньи. В долине Ингоды в могильниках уже бронзового века в местностях Дворцы, Дарасун и Александровка обнаружены черепа лошадей, коров и овец, что указывает на вполне сложившийся видовой состав стада (Там же: 151-154). Примечательно, что в захоронениях некрополя Дворцы погребенные находились в круговом окружении черепов домашних животных, большая часть которых принадлежала лошадям и овцам. В аналогичной могиле у станции Дарасун черепа животных

были уложены по два ряда в изголовье и в ногах погребенного человека, всего 27 черепов. По всей вероятности обе могилы были захоронениями не просто скотоводов, а представителей племенной знати, такое предположение подкрепляется также и набором престижного сопровождающего погребального инвентаря (Там же: 167). Определенно о существовании скотоводства у восточно-забайкальских племен этого времени высказывался Ю.С.Гришин, приводя данные о находках костей домашних животных на стоянке Шевья, датируемой им концом глазковского периода, и ссылаясь на костные остатки коровы и лошади из Шилкинской пещеры того же времени (Гришин 1975: 96).

Таким образом, с начала бронзового века все больший удельный вес в хозяйстве начинает занимать скотоводство, которое в дальнейшем становится господствующим видом жизнедеятельности населения.

Предпосылки скотоводческого типа производящего хозяйства выявлены и на территории Юго-Западного Забайкалья, в памятниках эпохи энеолита и ранней бронзы: на стоянке Нижняя Березовка в низовье р. Селенги под г. Улан-Удэ в виде костей лошади и быка (Сосновский 1933; Окладников 1951), в Фофановском могильнике еще ниже по Селенге - костяк домашней овцы в одном из погребений № 20 (Герасимов, Черных 1959), на стоянке Харга-1 между Еравнинскими озерами – кости домашней лошади и крупного рогатого скота (Ивашина 1979). Обобщая упомянутые данные по лесостепной зоне Бурятии, Л.Г.Ивашина писала, что в переходный от каменного века к бронзовому там безусловно существовало скотоводство в своих начальных формах, это тем более вероятно, что особенно её южные и юго-восточные пределы, тяготеют к степям Восточного Забайкалья и Монголии. Специфика жизни охотников лесостепей обусловила раннее по сравнению с таежными районами одомашнивание животных и развитие скотоводческого хозяйства. Однако, заключала она, важнейшая проблема происхождения скотоводства в Забайкалье в энеолите и раннем бронзовом веке еще далека от окончательного решения (Там же: 133-134).

Что можно сказать по этому поводу? Скажу, что возведенная в «важнейшую проблему» сущность культурно-исторических процессов эпохи позднего неолита – ранней бронзы на территории Забайкалья, как впрочем во всей Центральной Азии, перестает быть проблемой, т.е. она становится в основном уже решенной, если назовем эти культурно-исторические процессы предпосылками возникновения кочевого скотоводства как хозяйственно-культурной основы номадической цивилизации Центральной Азии. Но зато следует подчеркнуть, что сама по себе важность этой, пусть и решенной, проблемы, её значение в качестве предистории образования, кочевничества, для понимания генезиса номадической цивилизации не теряется, а, напротив, актуализируется.

Дело в том, что в следующую эпоху позднего бронзового века по всему Забайкалью и Монголии (кроме её западной части) появилась и заняла всеобъемлющее положение культура плиточных могил, представленная погребальными памятниками и наскальными рисунками. В связи с этим следует обратить внимание на следующие два обстоятельства: во-первых, обширность ареала распространения этой единообразной монолитной культуры, как бы заслонившей всё, что было (местами возможно и не было?) на этом пространстве; во-вторых, это была культура с хорошо выраженным скотоводческим хозяйственно-культурным типом, а широта её распространения по суровым аридным пространствам Центральной Азии свидетельствует о кочевом образе жизни её населения.

Возникает вопрос – как и откуда появилась эта культура? Возможны разные варианты гипотетических ответов: 1) либо на автохтонной основе путем перехода аборигенов – тех оседлых и полуоседлых обитателей Забайкалья и Восточной Монголии с зарождающимся земледельческо-животноводческим хозяйством к расширенному скотоводству с кочевым образом жизни, благодаря чему они так широко расселились и освоили эти пространства; 2) либо это культура населения, пришедшего из других земель; 3) либо здесь имеет место и то, и другое одновременно, завершившееся взаимной интеграцией и нивелированием этнокультур; 4) в качестве дополнительного варианта не исключаются неизвестные нам исторические процессы в мало исследованных частях Монголии, например в пустынных гобийских зонах, где аборигены, возможно, непосредственно от охотничьего образа жизни приобщились к скотоводству.

В пользу первого варианта можно привести данные об изменении климата в сторону аридизации, в результате чего население всей территории вынуждено было перейти к кочевому скотоводству как основному занятию, но при сохранении охоты, рыболовства и зачатков обработки земли в местах где это было возможно. Прежнее успешное развитие комплексного земледельческо-животноводческого производящего хозяйства привело к размножению численности скота, что явилось ко времени эпохального усыхания климата достаточной базой для перехода к кочевничеству. Отметим, что данный вариант развития событий подтверждает существующий теоретический тезис о том, что кочевничество возникает в результате неолитической революции, на базе комплексного производящего хозяйства, вследствие эпохального общественного разделения труда с выделением пастушеских племен в особую хозяйственно-культурную категорию.

В пользу второго варианта можно привести те же доводы о смене климатических условий и о закономерности разделения скотоводов от земледельцев, но с существенным добавлением того соображения, что в качестве

исходной территории пришлых в Монголию и Забайкалье мигрантов могут рассматриваться южная часть Маньчжурии и прилегающая к ней с запада часть Северного Китая (об этом см. ниже). Но наиболее вероятным предположением для решения вопроса возникновения и становления кочевого скотоводства в Центральной Азии является, на наш взгляд, третий вариант, т.е. – комплексное рассмотрение проблемы на основе признания совмещения и суммирования автохтонных и миграционных процессов при учёте их общего знаменателя – природно-климатического фактора.

В таком варианте решения вопроса участие и роль автохтонных культур Забайкалья и Монголии вполне понятны и ожидаемы, хотя в конкретных археологических материалах это отражается очень неопределенно, что вообще-то легко объяснимо с учетом исторически закономерных трансформационных явлений при скрещении культур. Столь же понятно и, главное, более определенно документировано археологическими данными участие в сложении культуры плиточных могил гораздо более отдаленных культурных заимствований и возможно, самих этнических групп – носителей культуры.

Характерным явлением для эпохи ранних кочевников были широкие культурные связи, неизбежно возникшие как следствие появления кочевых и оседлых обществ. В эти исторические процессы были вовлечены обитатели Забайкалья и прилегающих к нему частей территории Монголии. Южное и юго-восточное направления культурных и этнических связей этого региона в сторону Китая и Маньчжурии отчетливо проявляются в археологических материалах. В них видна, как отмечали предшествующие исследователи, посредническая роль забайкальцев в связях между китайской цивилизацией и сибирскими племенами. Их можно уловить и в сходстве орнаментальных мотивов на керамике, украшенной валиками с защипами и ямками, происходящей из Прибайкалья и Ордоса, и в клиновидных кельтах без ушек, с отверстием и орнаментом в виде треугольных фестончиков по бокам, представленных в коллекциях таежных бронз из Восточной Сибири, Северного Китая и найденных также в плиточных могилах Забайкалья (Диков 1958).

А.П.Окладников отмечал, что ранее, в неолите, наблюдалась определенная активность северных племен, направленная в сторону Монголии и соседних с ней областей Китая, о чем свидетельствует проникновение на эти территории керамики и каменных изделий, характерных для неолита Восточной Сибири. Но к концу II и в начале I тыс. до н.э. происходит обратный процесс, начинается новый и очень важный этап в развитии связей между древним населением Китая и Сибири, особенно для Забайкалья, когда там распространяется культура плиточных могил. Активная роль в культурных контактах Забайкалья переходит к южным и юго-восточным импульсам. Наиболее ярким свидетельством этих перемен являются глиняные сосуды-триподы. И этой своеобразной глиняной

посуде, представляющей собой одну из важных информативных элементов культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья, ученый посвятил специальное исследование (Окладников 1959).

Происхождение этого типа сосудов уводит нас в Китай, где они появились еще в неолите, продолжали существовать до эпохи Чжаньго (V-III вв. до н.э.) и по праву могут считаться символом древнекитайской цивилизации. Ранний очаг возникновения триподов находится в долине р.Хуанхэ, отсюда в конце династии Инь они распространяются на о.Ляодун и в бассейн р.Ляохэ, далее находки этой керамики отмечены во Внутренней Монголии и в Дунбэе (район Цицикара, Ананци), остальные – во всём ареале плиточных могил Монголии и Забайкалья. Здесь необходимо обратить особое внимание на следующее: в бассейне р.Ляохэ триподы характерны для местной культуры бронзового века, известной по захоронениям в каменных ящиках из вертикально поставленных в землю (в яме) плит и названной в свое время «второй доисторической культурой Чифэн» (*Archaeologia Orientalis*. Сер. А. Т.VI, 1938). Примечательно, что наличие здесь триподов К.Хамада и С.Мидзуно объясняют «китаезацией» местных племен дунху (Окладников 1959:129). Но для нашей темы важен обобщающий вывод А.П.Окладникова, сделанный им в результате изучения триподов, он сводится к следующему: население культуры плиточных могил, столь близко знакомое с древними китайцами и их оригинальной культурой, конечно, не китайцы, но принадлежало к одному и тому же большому этническому массиву, простиравшемуся от Северного Китая, Ордоса и Дунбэя до Байкала; единство этой культуры, бесспорное сходство погребальных памятников и предметов быта и искусства на всей этой территории может рассматриваться как свидетельство о единстве её происхождения; и далее – не исключена и такая возможность, что эти многочисленные племена уже образовали межплеменное объединение, что-то вроде прообраза и предшественника кочевого государства гуннских племен (Там же: 132).

Подобный взгляд ученого, хоть и направлен на исследование этнокультурных аспектов, но он столь же важен и для понимания вопросов происхождения и формирования кочевой культуры как таковой в рассматриваемом нами регионе. По выше изложенным данным о культурных связях между северо-восточными (Прибайкалье и Забайкалье) и юго-восточными (Ордос и Южная Маньчжурия) окраинами Центральной Азии можно сделать вывод не просто об эстафетном (посредническом) обмене культурными достижениями народов, но и о встречном движении людских масс, явившемся следствием развития «исторической активности» в исходных районах обитания («демографический взрыв») и исторического феномена «общественного разделения труда» - отделения скотоводов от земледельцев, образования кочевых и оседлых обществ; причем, последнее обусловлено еще и климатическим фактором – наступлением периода усыхания. В результате перехода

отделившихся коллективов к экстенсивному скотоводству и кочевому способу ведения хозяйства, благодаря развития коневодства, освоения верховой езды и колесного транспорта стало возможным заселить обширные степные и полупустынные пространства восточно- и среднемонгольской зоны между прибайкальско-забайкальскими лесостепями на севере и иньшаньско-хинганскими горно-лесостепями на юге. Этот исторический процесс сложения раннего кочевого скотоводства и отражен в культуре плиточных могил восточного ареала Центральной Азии*.

Следующий этап развития кочевой культуры Центральной Азии связан с образованием Хуннской империи, включившей в себя территории уже всей Монголии с Забайкальем, Тувинской и Минусинской котловин. На названных территориях повсюду распространены своеобразные археологические памятники: могильные и поселенческие хуннские комплексы, составляющие ярко выраженную монолитную и богатую культуру. Основной зоной концентрации памятников, как и в случае с плиточными могилами, является Северная Монголия и Южное Забайкалье. На этот раз весь этот новый культурный пласт определенно был принесен с юга – с той же территории Северного Китая и Южной Маньчжурии, причем, уже в сложившемся там виде. Специальные изыскания о происхождении и ранней (до образования Державы) истории хунну показывают, что археологический комплекс памятников хунну сложился на указанной территории (Миняев 1987; Коновалов 1996; Ковалев 2002). Переход (миграция) хунну на север произошел, как известно из письменных источников в результате изгнания их китайцами при образовании Циньской империи около 221 г. до н.э.*.

Хуннский этап развития кочевой культуры Центральной Азии имеет ту реально выраженную в памятниках особенность, которая заключается в сочетании кочевого и оседлого начал, в необычайном разнообразии памятников – погребальных сооружений с деревянным и каменным строительством, оседлых ремесленно-земледельческих комплексов, с железоделательным, бронзолитейным, керамическим и прочим производством. Есть основания полагать, что оседло-земледельческая сторона хуннской культуры, так предметно представленная в названных памятниках, является наследием еще додержавного периода формирования хунну в южной маньчжурско-ордосской прародине, принесенным с собой в суровые аридные степи Центральной Азии и ставшим

* За рамками настоящей работы мы оставляем историю возникновения аналогичного процесса в западном ареале Центральной Азии, связанного с другой такой же обширной культурой курганов-керексуров, и драматическую «картину» скрепления двух этнических массивов в среднемонгольской зоне.

* Считаю возможным согласиться с прозорливым высказыванием Л.Н.Гумилева о том, что и появление культуры плиточных могил в Монголии и Забайкалье явилось следствием вытеснения китайцами кочевых варваров-соседей при создании Чжоуского государства в XI в. н.э. (Гумилев 1960:46).

здесь необходимой частью кочевнической, в основе своей, культуры Центральной Азии на все последующие века. В таком виде хуннский археологический комплекс, «перекрывший» или как бы пресекавший всё, что было и могло быть на всей территории своего распространения, особенно в рамках основной метрополии в среднемонгольско-забайкальской степной и лесостепной зоне, можно трактовать как государственную культуру. В дополнение к тому, если учесть этнополитическую структуру хуннского общества, социально-политическое устройство державы, систему организации управления, сакрализованную идеологию верховной власти, религиозно-мифологические воззрения, воплощенные в произведениях изобразительного искусства (что заслуживает специального освещения в другой работе), то организаторов первого государственного образования в Центральной Азии следует считать и создателями номадической цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Герасимов И.П., Величко А.А.*, 1974. Проблема роли природного фактора в развитии первобытного общества. -Первобытный человек и природная среда. М.
- Герасимов М.М., Черных Е.Н.*, 1975. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. - Первобытная археология Сибири. Л.
- Гришин Ю.С.*, 1975. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М. с. 96.
- Гумилев Л.Н.*, 1960. Хунну. М.
- Диков Н.Н.*, 1958. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ.
- Ивашина Л.Г.*, 1979. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск, Наука.
- Ковалев А.А.* О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности.- Улан-Удэ – Чита 2002.)
- Коновалов П.Б.*, 1996. О происхождении и ранней истории хунну. -100 лет хуннской археологии: Док. и тез. междунаро. Конф. Улан-Удэ.
- Миняев С.С.*, 1987. Происхождение сюнну: современное состояние проблемы. - Проблемы археологии Степной Евразии: Тез. док. науч. конф. Ч.2, Кемерово.
- Окладников А.П.*, 1951. Археологические исследования в Бурят-Монголии. -Известия АН СССР. Сер. истории и философии, т. VIII, № 5.
- Окладников А.П.*, 1959. Триподы за Байкалом. –СА. 114-132.
- Окладников А.П. О.*, 1962. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии. -Древний мир. М. : 427-428.
- Окладников А.П., Кириллов И.И.*, 1980. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и бронзы. Новосибирск, Наука: 150-151
- Сосновский Г.П.*, 1933. Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье. -Известия ГАИМК, вып. 100.